

пользования. Тем не менее вопрос о латинизации возник не без основания. Переход на латинский алфавит стал бы для марийского языка определенным шагом вперед. Он создал бы достаточно благоприятные условия для положительного решения бесконечных споров по вопросам марийской орфографии. Следует отдать должное и тем, кто утверждал о большей приспособленности для марийского языка латинского алфавита. В нем, учитывая его западноевропейские варианты, имеются все буквы для обозначения фонем марийского языка, кроме *ч, л, ъ, ѓ*. Хотя этот довод в какой-то степени (отнюдь не полностью) опровергает опыт создания письменности для марийского языка миссионерами и продолжение его календаревцами¹², тем не менее совершенно отбросить его было бы несправедливо.

Кроме того, постановка вопроса о латинизации в марийском языкознании была вызвана исторической обстановкой; остаться в стороне от общего направления развития графики того периода было, очевидно, практически невозможно.

Накопец, попытка латинизации дала определенный толчок для появления новых теоретических положений в связи с унификацией марийской орфографии.

В марийском языкознании движение за латинизацию не успело принять такого размаха, как в отношении тюркских языков, и просуществовало немногим более двух лет. Перевод на латинский шрифт не был осуществлен. Движение фактически ограничилось проектами, дискуссиями и несколькими образцами письма, напечатанными в газетах. Хотя латинизация осталась лишь эпизодом языкового строительства, ее никак нельзя вычеркнуть из истории развития марийской письменности.

¹² Календаревцами мы называем создателей и издателей календаря «Марла календарь», вышедшего в Казани в 1907—1913 годах.

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.1.10>

А. А. Саваткова, Русские заимствования в марийском языке, Йошкар-Ола 1969. 129 стр.

В последние годы марийское языкознание пополнилось рядом новых исследований. Среди них несомненный интерес для финно-угроведов представляет рецензируемая работа, в которой дан подробный анализ слов, заимствованных марийцами из русского языка. Изучением тюркских заимствований марийского лексикона ученые занимались и ранее, исследование русского вклада в марийский язык началось сравнительно недавно.

Рецензируемая книга представляет собой первую более или менее подробную и систематическую работу в этой области, содержащую богатый фактический материал. Ее автор занималась проблемой заимствования уже продолжительное время, в 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Русские заимствования в горном наречии марийского языка».

Материалом для данной работы послужили наблюдения автора почти во всех республиках и областях, где проживают марийцы. Используются материалы из рукописных фондов Государственной

публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Марийского научно-исследовательского института, а также сведения по истории северновеликорусских и средневеликорусских говоров. А. А. Саваткова поставила перед собой задачу выявить, какие слова из русского языка заимствованы изустно, какие фонетические, морфологические изменения и семантические сдвиги произошли с ними в марийском языке.

Книга состоит из введения и трех глав; в приложении даны список русских заимствований и библиография.

Во введении (стр. 3—13) рассказывается о благотворном влиянии многовековой связи марийского и русского народов, дан обзор ранних изданий, в той или иной мере отражающих словарный состав марийского языка, в том числе и русские заимствования. Здесь же сделана попытка среди заимствований выделить более ранние (дооктябрьские) и поздние (послеоктябрьские), однако критерии этого деления, а также определения русских слов, проникших в марийский язык через

посредство чувашского и татарского языков, на наш взгляд, не всегда убедительны. Необходимы более достоверные фонетические критерии.

Первая глава (стр. 14—53) содержит материал о фонетическом оформлении заимствованных слов. Внимание читателей привлечет здесь ряд тонких наблюдений автора, в том числе о том, что в заимствованных словах горного наречия одновременно действует прогрессивная и регрессивная палатальная гармония гласных (*ān'is* 'анис', *ǰǰivǰı* 'живо'). Однако есть в ней и некоторые неточности и упущения. Так, на стр. 16 не к месту, на наш взгляд, приведена цитата из Е. Ф. Будде, в связи с чем утверждение автора о том, что в словах типа *ведра́* < рус. *ведро́* конечный *a* возник под влиянием русских говоров, висит в воздухе. Очевидно, слова типа *селá* < рус. *селó* заимствованы в форме родительного падежа единственного числа, а этому способствовало отсутствие русского порядка следования гласных в марийских словах.

На стр. 17 представлено весьма неполное произношение *e* по русским диалектам. Затрагивая этот вопрос, надо было кратко, но всесторонне рассмотреть произношение *e* по крайней мере в областях, жители которых находятся в непосредственной близости с марийским населением. На стр. 19 не совсем понятно выражение «в словах, заимствованных из русских говоров, марийцы усвоили диалектное произношение: г. *пекет* < рус. *п'ик'эт*». При описании передачи русского *и* (стр. 19) следовало упомянуть о передаче безударного русского *и* (*сўтки* > *суткá*, *гáбли* > *кrapл'á*). В главе о морфологическом оформлении заимствованных слов об этом также нет ни слова. Причина подобной субституции — весьма редкая употребительность *и* в открытом конечном слоге в исконно марийских словах.

Ряд возражений вызывает параграф о гармонии гласных (стр. 23—25). Прежде всего автор в нем повторяется: «Если ударение падает на губной согласный корня или основы, то в заударном слоге суффикса или окончания произносится лабиализованный гласный: *окўрк-о* «окурок», *пўл-о* «пуля», *вырук-ǰ* «брюки», *тўпл-о* «туфли.» Следует уточнить, что

речь идет о конечном открытом слоге. Далее, в приведенных примерах нет ни окончания, ни суффикса. Гласные *o*, *ǰ* отделены дефисом и, видимо, приняты за окончания. Наконец, следует уточнить, что за ударными переднерядными *ǰ*, *ǰ* в абсолютном исходе слова звучит *ǰ*, за заднерядными ударными *o*, *u* звучит *o*. Здесь же следовало упомянуть о гармонии гласных в словах типа *президиумышто* 'в президиуме'. Дело в том, что в многосложных заимствованиях с огубленными и неогубленными гласными лабиальная гармония конечного и ударного гласных нарушается: гласный абсолютного исхода слова зависит не от ударного гласного, а от гласного последнего слога корня. Этот гласный русских и иноязычных заимствований может быть как ударным, так и безударным: *радиошко* 'в радио', *колониште* 'в колонии'. Неверно представлено (стр. 24) деление по составу слова (*качеств-ыже* 'его качество', *выступл'ён'и-лаште* 'в выступлениях'). Необходимо уточнить мысль автора о частичном распространении закона палатальной гармонии гласных на русские заимствования, и о том, что его действие сказывается лишь на конечных гласных безударного конечного открытого слога. Анализ приведенных автором слов типа *вырезэнты* 'брезент', *высǰткы* 'сводка' мог бы помочь уточнению вышеупомянутого положения о гармонии.

Перемещение ударения в словах типа *кынига́* < рус. *кн'и́зь* (стр. 26), на наш взгляд, трудно объяснить тем, что «гласный *a* в марийском языке является самым долгим по длительности и сильным, и поэтому на себя он перетягивает ударение», так как ударные гласные по звучанию бывают всегда более долгими, чем любые безударные, в том числе и *a*. Действительная причина изменения ударения заключается, вероятно, в том, что слова типа *чаикá* < рус. *ча́йкъ* подпадают под аналогическое воздействие других видоизмененных русизмов, быть может, *ведра́* < рус. *ведро́*.

Утверждение о том, что «в марийском языке дописьменной эпохи звук *b* отсутствовал» (стр. 27), следует несколько уточнить. Звук *b* был в дописьменную эпоху, но его употребление было ограничено одной позицией — сочетанием *mb* (*комбо* 'гусь', *ломбо* 'черемуха').

На стр. 32 читаем: «*d* в конце слова в русском языке, также и в марийском, оглушается». Автору следует принять во внимание, что в русском языке в абсолютном исходе слова на протяжении истории языка имело место оглушение ранее звонкого согласного. В отношении же марийского языка это утверждение несостоятельно. Опиской, вероятно, является утверждение автора о том, что произношение конечного *d* как *t* в русских заимствованиях отразилось в марийской орфографии в таких словах, как *сад* 'сад', *пут* 'пуд', *сут* 'суд' (стр. 32). Как известно, орфографически правильны *сад*, *пуд*, *суд*.

Если верить автору, согласный *ж* в начале заимствованных слов вообще не употребляется, так как ему предшествуют гласные *ы*, *ы́*, *у* (стр. 34). В словаре же (стр. 95—96) преимущественно для лугового наречия приведены примеры без начального *ы* (*желáн'ы* 'желание' и др.). Другое дело — горное наречие. Здесь приведены и такие варианты (*ыжалован'ы*, *ыжаритлаш*, *ыжолтуха* и др.), которых нет в словаре, содержащем все варианты употребления заимствованных слов. В констатирующей части, где речь идет о начале слова, примеры представлены на середину и конец слова.

Следовало уточнить причину появления вариантов *полотенцы* — *полотензы* (стр. 40). Дело в том, что в русской комбинации *-нц-* на почве марийского языка под влиянием предшествующего сонорного *н* глухой *ц*, озвончаясь, произносится *дз*, а затем происходит упрощение группы *-ндз-*.

Неверно утверждение о том, что «в марийском языке нет мягкой аффрикаты *ч*, поэтому в русских заимствованиях мягкий согласный *ч* регулярно замещается твердой аффриктой *ч*: *чайный* < рус. *чайный*...» (стр. 40).

Кроме указанных в книге фонетических позиций (стр. 44), согласный *г* в более древнее время в марийском языке встречался после *з*. Далее, в словах типа *корцак* < рус. *корчагъ* *г* оглушается не потому, что в середине слова раньше не мог выступать согласный *г*, а потому, что при проникновении в марийский язык данные слова теряют безударный конечный *а*, в результате чего согласный *г*, оказав-

шись в абсолютном исходе слова, передается согласным *к*, так как в конце исконных и собственных слов в марийском языке *г* не может выступать. А что касается середины слова, то русский *г* остается без изменения не только «в более поздних заимствованиях», но и в ранних, ибо в марийском языке *г* может встречаться в середине слова в основном без ограничения. И, наконец, фрикативный задненёбный, характерный для южновеликорусских говоров, отмечается не знаком *h*, а знаком *γ*.

Интересную субституцию русского *г* марийским *й* (*йерой* < рус. *герой*) (стр. 44) можно объяснить так: русский звонкий смычный *г* на почве марийского языка становится слабосмычным, а затем, смещаясь в среднеязычную зону, совпадает с *j*. Это не только особенность марийского языка, так же объясняются русские формы личных имен *Егор*, *Юрий*, восходящие к тому же источнику, что *Георгий*, *Гурий*.

Превращение русского сочетания *-нк-* в *-н-г-* (*ворбнка* > *воронга*) (стр. 45) объясняется двусторонней прогрессивной и регрессивной ассимиляцией сочетающихся согласных.

Вопрос о возникновении *х* в марийском языке (стр. 46) изложен недостаточно ясно. Прежде всего фонематичность *х* в луговом наречии в настоящее время не вызывает сомнений. Анализируя заимствования, вошедшие в «начальные этапы взаимоотношений с русскими», автор говорит лишь о луговом и восточном диалектах, где русские *х* и *х'* «сплошь и рядом передавались и передаются через твердый согласный *к*». На более поздние заимствования, наоборот, представлены примеры лишь из горного наречия, в котором после укоренения согласного *х* русские *х* и *х'* «стали передаваться через твердый согласный *х*». Во-первых, здесь смешиваются автором два вопроса: 1) время заимствования, 2) употребление заимствованных слов в марийских диалектах. Во-вторых, для утверждения о более раннем и более позднем заимствовании у автора нет достаточных оснований: *кылопотайаш* 'хлопотать' или *хитрайаш* 'хитрить' — какое из этих слов проникло в марийский язык раньше? Нельзя сказать определенно, к тому же первое взято автором из моркинского

говора, в котором до самого последнего времени не было звука *x* (оно принято за раннее заимствование), другое — из горного наречья, для которого характерен согласный *x*, изредка встречающийся в чувашских заимствованиях более давнего времени (оно принято за позднее заимствование). В-третьих, заимствование русских слов с согласным *x* само послужило первопричиной укоренения *x* в горном наречии (об этом автор упоминает). И, наконец, неубедительно утверждение автора о том, что слово *колхоз* < *колхоз* в луговом и восточном наречьях заимствовано раньше, чем это же слово в горном наречии. К тому же слово *колхоз*, согласно автору, заимствовано «в начальные этапы взаимоотношений с русскими».

Причина сохранения глухих вариантов согласных перед глухими в русизмах (*йупка* 'юбка', *поматкы* 'помадка') (стр. 47) заключается в том, что русская проносительная норма в данном отношении не противоречит орфоэпической норме марийского языка, ибо в нем имеет место почти аналогичное явление (*кодаш* 'оставаться' — *котшо* 'оставшийся' и др.). Неверно, что русские звонкие согласные *б, в, г, д* в конце слова в марийском языке не всегда оглушаются. Напротив, в заимствованных словах они передаются соответствующими глухими, так как в конце исконно марийских слов не могут стоять *б, в, г, д*. В случаях появления протетических гласных, естественно, они сохраняют орфографические звонкие (*пылугы* 'плуг' и др.).

Недостаточно доработан параграф об усвоении русских мягких согласных (стр. 48—49). То утверждается, что «все согласные русского языка как твердые, так и мягкие, кроме *л, н, т*, усваиваются в марийском языке только как твердые», то отмечается, что русские мягкие *л', н', т', з', с'* в ранних заимствованиях (в редких случаях и в поздних) утрачивают свою мягкость.

Нельзя согласиться с категорическим утверждением автора о том, что «заимствованные слова с конечным *-ст* употребляются без изменения и отклонения от оригинала» (стр. 51), ибо в словнике встречается много слов с утраченным конечным *-т*, например, *ват'ис* 'батист', *трактырис* 'тракторист'. Резкие выводы

автора не подтверждают примеры из словаря типа *волысты* 'волость', *вылысты* 'власть', *облысты* 'область', где вопреки утверждению о том, что «стечение согласных (в абсолютном исходе слова. — Г. Л.) устраняется в марийском языке путем утраты взрывного *т*» (стр. 39), сохраняется конечный *-т*. Более того, в этой главе встречаются варианты *патис* 'батист' (стр. 37), *волыст* 'волость' (стр. 16), *кырепыс* 'крепость' (стр. 39) и другие, которых вообще нет в прилагаемом полном словаре русских заимствований.

Утверждение о существовании в марийском языке тенденции к открытости слога (стр. 51), на наш взгляд, неубедительно, ибо автор основывается лишь на изучении фонетического оформления русских заимствований. Ключ к разгадке действительных причин своеобразного изменения звукового облика русских заимствований и структуры слова в марийском языке в первую очередь следует искать в потенциально возможных звуковых сочетаниях в пределах одного марийского слова, которые, к сожалению, весьма недостаточно отражены в литературе, а также в особенностях образования слогов в марийском языке и в особых условиях диалектной речи.

Следует остановиться на качестве и достоверности выводов, обобщающих фонетическое усвоение русизмов (стр. 52—53). На стр. 53 утверждается, что «русские говоры, послужившие источником для заимствований, имели согласный *ф*», на стр. 31 — «слова заимствованы... из тех его говорков, в которых согласный *ф* замещается через *x* (*хв, кв*)».

«Гласные *а* и *о* в первом предударном слоге (в русских говорах, послуживших источником заимствования — Г. Л.) различались» (стр. 52) — в другом месте: «источником заимствования следует считать акающий говор» (стр. 17).

«В других заимствованиях (в русском говоре, являвшемся базой для заимствования — Г. Л.) отражаются гласные полного образования *а, о*: *вол'шэвик* — рус. *бол'шэвик*, *потолок* — рус. *потолок* (речь идет о втором предударном слоге — Г. Л.)» (стр. 52) — на стр. 23 сообщалось о том, что слова *вол'шэвик*, *потолок* и другие «заимствованы в книжном произношении (без редукции)», т. е. не из русского говора.

Материал, приведенный на стр. 18, показывает несостоятельность вывода о том, что «безударный *e* перед твердыми согласными в некоторых ранних заимствованиях произносился как *o*, в поздних — произносится как *e*» (стр. 52), ибо 1) марийский язык представляет весьма различную трансформацию русского безударного *e*, находящегося в первом предударном и в других положениях, 2) вопрос о времени проникновения русских слов с безударным *e* автором не исследуется, а лишь декларируется в выводах.

Не совсем убедительно безоговорочное утверждение, что «в ранних русских заимствованиях наблюдается перенос ударения на последний слог в луговом наречии» (стр. 53), так как есть много примеров, в которых ударение переместилось с конечного слога на первый, но имеются и такие, в которых сохраняется ударение оригинала, при этом ударный гласный ставит в зависимости от гармонии гласных безударные гласные, даже самое широкое *a* (*лámпе* 'лампа', *лáнке* 'лавка', *вóчка* 'бочка'), или вырабатывает сингармонический конечный прогетический гласный (*мáке* 'мак', *молó* 'моль').

Вторая глава (стр. 54—71) посвящена исследованию морфологического оформления заимствованных слов и словообразования. В целом в ней представлен систематизированный доброкачественный материал, однако есть и некоторые неточности и упущения.

На стр. 54 не сказано, что конечный *a* некоторых русских слов попадает под влияние гармонии гласных (*лámпе* 'лампа', *бúлка* 'булка'). Можно было об этом упомянуть в сноске так же, как описаны два фонетических явления на этой странице.

Автор считает, что источником для заимствований слов *уда*, *ысвежа* и других послужили краткие прилагательные *худа*, *свежа* (стр. 60), на стр. 43 же утверждалось о заимствовании марийским языком стяженных форм прилагательных.

Параграф о глаголе содержит много интересных сведений о вариантах заимствованных глаголов. Рецензент здесь не может согласиться с автором в том, что инфинитив типа *воспитат+л+аш* 'воспитать' в 1937 г. был узаконен в литературном языке «по рекомендации ведущих

языковедов, носителей восточного наречия марийского языка» (стр. 64). Известно, что в восточном наречии инфинитив существенно отличается от рекомендованной формы, он имеет облик *воспитать ышташ* 'воспитать', *интересовацы лияш* 'интересоваться'. Дело заключается в другом, а именно — в существующей в языках тенденции к выражению одинаковых значений одной формой, т. е. в выравнивании форм по аналогии. В луговом наречии марийского языка от некоторых русских глаголов, таких, как *оъявить*, *служить*, *проверить* (т. е. на *-ить*), и в то время могла образоваться лишь единая форма на *-лаш*. Следует также принять во внимание, что в марийском языке возвратный залог может образоваться при помощи суффикса *-ал-* и от заимствованных глаголов, например, *условитлалташ* 'условиться'. Правда, порядок следования *л* и *т* в этих суффиксах не одинаков, но в той или иной степени эти части могли ассоциироваться. Количество слов на *-лаш* увеличивается за счет единичных слов типа *ыскыртлаш* 'скирдовать', *шотлаш* 'считать', *печатлаш* 'печатать', образованных от заимствованных существительных *скирд*, *счет*, *печать* при помощи суффикса *-л-*. Таким образом, под аналогическим воздействием вышеприведенных образований в луговосточном литературном языке укрепились унифицированная инфинитивная форма типа *воспитат+л+аш*.

Требует грамматического и смыслового уточнения выражение «если глагол обозначает действие, переходящее на кого-либо или кого-либо, (в восточном наречии — *Г. Л.*) употребляется вспомогательный глагол *ышташ*, если же глагол обозначает состояние или действие непереходное, употребляется глагол *лияш*» (стр. 65). Если верить ему, русские непереходные глаголы *гулять*, *хворать*, *служить* должны сочетаться с вспомогательным глаголом *лияш*. Однако в действительности говорят: *Москваште служить ышташ* 'служить в Москве'; *тудо служить ыштен* 'он служил'. Правильнее было бы сформулировать: все невозвратные глаголы русского языка при заимствовании в марийском языке получают вспомогательный глагол *ышташ*, который спрягается во всех временах, наклонениях, а русская инфинитивная форма остается

неизменной (*судить ышташ* 'судить', *судить ыште* 'суди'). Возвратные же глаголы русского языка дополняются вспомогательным глаголом *ляшш*, опять-таки без ограничения спрягаемым (*интересовацы ляшш* 'интересоваться', *интересовацы ляшш* 'интересуюсь').

Причина употребления глаголов на *-лашш* в речи марийцев Пермской и Свердловской областей (стр. 64) ясна: образования типа *мешатлашш* 'мешать', *гулятлашш* 'гулять' вместо общемарийских единичных *мешаяшш*, *гуляяшш* возникли под влиянием аналогии с глаголами типа *воспитатлашш*. Далее, нужно принять во внимание, что основы русских глаголов *хваляшш*, *коптяшш*, *чертяшш* не совпадают с корнями *хвал'*-, *копт'*-, *черт'*- (стр. 64). Поэтому нельзя давать корень и основу в одной плоскости.

В третьей главе «Семантика заимствованных слов» (стр. 72—83) рассматривается большое количество слов, сузивших или расширивших круг своих значений, а также слова, изменившие свое значение или употребляемые для диффе-

ренциации значения слова, переосмысленные слов и народная этимология.

В конце книги помещен сводный список русских заимствований в марийском языке, который включает в себя около двух тысяч слов. Однако некоторые слова или варианты заимствований, которые встречаются в исследовании (например, *могорист* — стр. 51, *карандас* — стр. 52, *лампе* — стр. 22, 24 и др.), не нашли отражения в словаре.

Высказывая критические замечания, мы не хотим умалить значения рецензируемого исследования, представляющего собой первую работу такого рода. Сложная проблема, какой является проблема русских и вошедших через посредство русского языка иноязычных заимствований, не может быть разработана сразу во всех ее связях. Думается, эта скромная по объему книга окажется небесполезной для финно-угроведов в дальнейшей работе по изучению взаимодействия языков.

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

Р. С. Ширманкина, Фразеология мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1969.

17 апреля 1970 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета Р. С. Ширманкина, младший научный сотрудник сектора мордовского языкознания Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фразеология мордовских языков». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук Ф. Вакк (Таллин). Ниже следуют некоторые замечания об этой интересной теоретической монографии.

«Фразеологические единицы мордовских языков до сих пор не были предметом специального исследования», — начинает автор свою диссертацию. Ее объемистое (278 стр.) исследование — первое научное описание всей фразеологии мордовских языков и одна из первых моногра-

фий, посвященных описанию целой фразеологической системы одного языка финно-угорской языковой семьи вообще. Следует подчеркнуть и тесную связь теории с практикой: параллельно с работой над диссертацией автор ее подготовила к печати рукопись фразеологического словаря мордовских языков.

Диссертация состоит из пяти глав, краткой итоговой части и списка использованной литературы. В первой, вводной главе рассматриваются общетеоретические проблемы фразеологии (объем фразеологии, признаки и определение фразеологических единиц и др.), во второй — способы образования мордовских фразеологизмов, в третьей — так наз. семантическая классификация фразеологических единиц, в четвертой — структурно-грамматическая характеристика фразеологизмов, в пятой — их семантические особенности (многозначность, синонимия и антонимия, вариантность). Теоретическими основами диссертации послужили ра-